

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-53-60
УДК 323.2(045)

Современная трактовка политического радикализма в гражданской активности

Р.В. Парма

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье произведен обзор современных исследований политического радикализма в контексте гражданской активности. Автором рассмотрены модели радикализации, выраженной во мнениях и действиях граждан. Выделены основные направления политического радикализма и обозначены разграничения с другими идейными течениями. Политическая радикализация рассматривается как многофакторный процесс кардинальных изменений в обществе, которые обусловлены историческим контекстом, назревшими социально-экономическими проблемами и возникающими вызовами. Политической радикализации общества способствует расширение влияния цифровых коммуникаций, которые образовали изначально неконтролируемое государством онлайн-пространство взаимодействия граждан и распространения контента. Перспективы исследования политического радикализма видятся в изучении когнитивной мотивации действий, взаимосвязи между поведенческими установками, намерениями и действиями, конверсии настроений из пространства онлайн в офлайн.

Ключевые слова: политический радикализм; протестные настроения; гражданская активность; офлайн; онлайн

Для цитирования: Парма Р.В. Современная трактовка политического радикализма в гражданской активности. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(2):53-60. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-53-60

ORIGINAL PAPER

Contemporary Interpretation of Political Radicalism in Civil Activity

R.V. Parma

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article presents an overview of modern studies of political radicalism in the context of civic activism. The author considers models of radicalization expressed in the opinions and actions of citizens. He singled out the main directions of political radicalism and marked the demarcations with other ideological currents. The author sees the process of political radicalization as a multifactorial process of fundamental changes in society, which are figured out by the historical context, urgent socio-economic problems, and emerging challenges. The expansion of the influence of digital communications, which formed an initially uncontrolled by the state online space for the interaction of citizens and the distribution of content, facilitated the political radicalization of society. The author sees the prospects for the study of political radicalism in the study of cognitive motivation of actions, the relationship between behavioral attitudes, intentions and actions, the conversion of moods from online to offline spaces.

Keywords: political radicalism; protest moods; civic activity; offline; online

For citation: Parma R.V. Contemporary interpretation of political radicalism in civil activity. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(2):53-60. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-53-60

МОДЕЛИ РАДИКАЛИЗМА

Следствием возросшего междисциплинарного интереса к политическому радикализму являются разногласия исследователей в отношении его содержания, концептуализации и моделирования [1]. Теоретической основой для построения современных моделей политического радикализма служит концепция социальной аномии Р. Мертона,

в которой общественное поведение индивидов классифицировано по порожденным культурой целям и обусловленным институтами средствам. Диспозиции принятия или непринятия поставленных целей и средств их достижения образуют пять вариантов поведения сообществ:

1. *Подчинение* характеризуется принятием целей и средств.

2. *Инновация* отличается принятием целей и непринятием средств достижения и вносит обновление в общественные отношения.

3. *Ритуализм* состоит в непринятии целей и принятии средств.

4. *Ретритизм* заключается в уходе от социального взаимодействия, неприятии целей и средств без обновления их содержания.

5. *Мятеж* включает непринятие прежних целей и средств и замену их на новые установки.

По мнению Р. Мертона, результатом достижения цели неинституционными способами является формирование антисоциального поведения и вовлечение в революционную деятельность, а «равновесие между определяемыми культурой средствами и целями становится весьма неустойчивым по мере того, как усиливается акцент на достижении имеющих значение целей любыми средствами» [2].

Исходя из концепции социальной аномии, К. Макколи и С. Москаленко создают модель радикализации, изображая ее в виде двух пирамид — мнений и действий. Каждый последующий уровень в пирамидах представляет собой более радикальную форму политических или религиозных убеждений и насильственных действий, но также и меньшую группу активных индивидов. Основу пирамиды мнений составляют массы, придерживающиеся достаточно нейтральных убеждений в отношении спорных политических и/или религиозных тем. Средний уровень пирамиды включает группы активистов, которые выступают сторонниками определенной идеи. Верхний уровень представляет собой малую группу убежденных индивидов, которые твердо настроены на выполнение морального долга. Пирамида действий имеет схожую структуру: в основе — относительно инертные к политическому насилию массы, а наверху — небольшая группа, которая активно участвует в незаконных насильственных действиях политического характера [3].

Кроме того, С. Москаленко и К. Макколи вводят шкалы намерений активизма и радикализма (ARIS). Методика ARIS изучает, как отдельные лица переходят от политических взглядов и убеждений к политическим действиям. Шкала намерений активизма оценивает готовность к участию в законных и ненасильственных политических действиях, тогда как шкала намерений радикализма оценивает готовность участвовать в незаконных и/или насильственных полити-

ческих действиях. При этом распространенная «конвейерная» гипотеза радикализации, обозначающая гражданскую активность средой для формирования большинства радикалов, находит лишь частичную поддержку в результатах исследований [4].

РАДИКАЛЬНОЕ ТЕЧЕНИЕ

Исследователи разграничивают политический радикализм с другими идейными течениями. Т. Джордан отмечает в гражданском активизме три линии, различные по степени требуемых изменений социального порядка. Первая характеризуется как агитационный активизм, который состоит в умеренных протестных действиях оппозиции, включая манифестации, забастовки и др. Вторая охватывает проявления активной реформистской деятельности, которая выражается в создании альтернатив доминирующей системе власти через конструирование новых способов и структур социального поведения. Третья состоит в революционном активизме, который выражен в стремлении разрушить существующую систему власти, кардинально изменить общественный порядок и политические институты [5].

В свою очередь, С. Харреби особо выделяет в гражданском активизме радикальное и конфронтационное направления. Радикальный активизм использует насильственные методы для демонстрации своего недовольства в достижении поставленных целей. Радикалы составляют меньшинство, но их жесткие конфликты вызывают большой общественный резонанс и получают большую огласку в СМИ. Конфронтационный активизм характеризуется тем, что представители данной группы не отчуждены от общественности, а способы донесения их идей обсуждаются в более широких кругах. Гражданское неповиновение является предпочтительным методом протеста для этой группы активных граждан. В этом аспекте гражданское неповиновение понимается как публичные, ненасильственные, сознательные, политические действия, совершаемые для внесения изменений в действующие законы или принятые решения правительства. Конфронтационный активизм противостоит радикальному активизму, который не отвечает требованию достижения общественного согласия и необходимости соблюдения универсальных прав граждан [6].

В современных российских исследованиях в понимании политического радикализма

прослеживается ряд разночтений. Некоторые российские исследователи видят в радикализме проявление экстремизма на том основании, что в эпоху модерна политические системы породили множество крайних теорий и практик. В истории радикализм выступает основанием появления экстремистских идеологий, провоцируя политические конфликты. Исходя из этого, И. Л. Морозов определяет политический радикализм как жесткое неприятие других позиций и отказ от достижения компромисса [7]. Другие исследователи разграничивают взаимосвязанные понятия: радикализм и экстремизм. С. Н. Чирун утверждает, что радикализм скорее обозначает «стремление», а экстремизм — «приверженность». Радикал является субъектом намерения, а экстремист способен реализовать свою субъектность в действии. Радикализм характеризуется как крайние, скорее легальные, политические идеи, а экстремизм — как крайние и нелегальные политические действия [8]. Таким образом, политический радикализм имеет явные отличия от экстремизма и может быть противопоставлен консервативным и либеральным стратегиям устойчивого развития.

ПРОЦЕСС РАДИКАЛИЗАЦИИ

Большинство ученых сходятся во мнении, что радикализация — это не линейные и поэтапные изменения, а скорее многофакторный и контекстуальный процесс кардинальных перемен. Радикализация рассматривается как сложная политическая ситуация, в которой действуют совместно несколько факторов риска. Совокупный вес факторов риска увеличивает вероятность принятия значительной частью общества радикальных установок и убеждений [9].

Так, Ю. Вуйич отмечает, что проявления политического радикализма, как левого, так и правого толка, обусловлены историческим контекстом и общественно-политической ситуацией. Также проявления радикализма предопределены сложившимися в стране ценностями и традициями политической культуры. Кроме того, экономический кризис, выступая фактором радикализации, создает тревожные настроения в обществе и несет негативные последствия, которые находят выражение в росте безработицы, бедности, криминала, иммиграции и падении доверия к власти. В европейских странах, по мнению Ю. Вуйича, проводится политика национал-популизма в условиях расширения коррупции и безволия политической

элиты. Общий популистский набор характерен как для правого, так и для левого радикализма и включает в себя антиглобализм, национализм, сепаратизм и антилиберализм. Политические радикалы декларируют институты парламентской демократии и рыночной экономики, а также структуры НАТО и ЕС, считая их неспособными решить нарастающие социальные проблемы граждан. В кризисных условиях, когда слабое коррумпированное государство оказывается недееспособным, происходит процесс «черно-красной конвергенции», состоящий в сближении правых и левых радикалов [10].

В поле внимания российских исследователей оказались процессы политической радикализации в зарубежных странах. А. И. Бурмули отмечает, что с 90-х гг. прошлого века крайний национализм и правый радикализм превращаются в одну из выраженных тенденций развития стран современной Европы. Во многих странах электорального успеха добились политические партии, использующие националистическую риторику [11]. В настоящее время, согласно исследованиям А. Е. Шапарова и Е. В. Синьковой, в странах ЕС происходит включение радикальных движений в легальный политический процесс. Размежевание с экстремистскими политическими силами, использование легальных методов достижения власти позволили праворадикальным партиям в конце XX в. стать частью европейского политического процесса.

Электоральные успехи правых радикалов в большинстве европейских стран в начале XXI в. объясняются комплексом факторов. Во-первых, кризисными явлениями в европейском политическом проекте, в частности, в диктате евробюрократии. Во-вторых, социально-экономическими тенденциями в обществах европейских стран, процессами прекаризации, обострения конкуренции за рабочие места вследствие свободного движения рабочей силы внутри ЕС. В-третьих, кризисными социокультурными процессами, последствиями доминирования парадигмы мультикультурализма в иммиграционной политике. Выборы в Европарламент в мае 2019 г. подтвердили тенденцию демаргинализации правого радикализма, которая выступает частью запроса граждан на изменения в социальной, миграционной и других, чувствительных для общества направлениях государственной политики. Главную причину электорального успеха правых радикалов в 2010-е гг. исследователи

видят в происходящих изменениях в социальной структуре наиболее развитых стран Евросоюза. На смену процессам пауперизации пришли процессы прекаризации. Углубление социального неравенства влечет за собой рост популистских движений, лидеры которых обещают «вернуть» избирателям их голоса, которые были «конфискованы» элитами [12].

На изменение сложившегося политического порядка также влияет смена поколений, которая несет угрозу прежним приоритетам государственного курса на устойчивое развитие. Преобладающая политическая индифферентность и лояльность молодежи к власти может смениться на радикальные настроения, которые будут проявляться в нарастающих протестных действиях. Причем опыт ряда стран показывает, что провоцируемое социальное недовольство прорывается в радикальные акции на этапе преодоления кризиса. Для молодежи характерны максимализм и ориентация на радикальные перемены, склонность к стремительным и кардинальным общественным сдвигам вместо постепенных преобразований. Формирование сплоченных групп и больших сообществ молодежи, имеющей социальные проблемы и настроенной на активное политическое участие, представляет угрозу для стабильного развития государств [13].

Молодежь, в силу возрастного периода становления личности, выступает социальной группой, склонной к политической радикализации, выраженной в требованиях переустройства «старого порядка». Радикализм и экстремизм молодежи Е. О. Васильчук рассматривает как следствие недовольства существующими формами политического участия, а также — открывшихся возможностей действий и доминирующей в обществе модели политической культуры. Политические действия рассматриваются как возможность заявить об общественных потребностях и интересах. Разочарование молодежи в процессе политической социализации в существующих традициях и ценностях подвигает к поиску альтернатив развития, что приводит к выражению политического участия в креативных акциях, эстетизации и карнавализации вызывающих действий. Расширение маргинальности в молодежной среде переопределяет нарастание отрицания существующего порядка, вызванного недовольством социальным статусом, отводимым государством молодым людям. Противление сложившимся нормам поведения в обществе

детерминирует асоциальные настроения и радикальные действия молодежи [14].

Вместе с тем Т. Гарр экспериментально подтверждает «вирусную природу» зарождения радикальных настроений и социального протеста: «Агрессивные отклики имеют тенденцию к возникновению лишь тогда, когда они провоцируются внешним воздействием, то есть, когда разгневанный индивид видит перед собой объект, достойный атаки, или личность, которую он ассоциирует с источником фрустрации. Разгневанный индивид склонен нападать не на любой объект в своем окружении, а только на те цели, которые он считает ответственными за свою фрустрацию» [15]. В свою очередь, Б. Вагонер, Ф. Могаддам, Дж. Вальсинер исследуют социально-психологические условия возникновения «народных восстаний», радикальных событий «Арабской весны», рассматривая преемственность и разрывы между прошлыми и настоящими революциями. Исследователи уделяют внимание, прежде всего, таким аспектам процесса радикализации, как организация толпы и коллективных действий, изменение идентичности и общественного мнения, пластичность политического поведения [16]. Таким образом, процесс радикализации политических настроений и гражданских действий носит не столько социальный, сколько психологический характер.

РАДИКАЛИЗАЦИЯ ОНЛАЙН

В современных исследованиях нарастание политического радикализма многие связывают с эффектом поляризации социальных медиа [17]. Однако некоторые исследователи приходят к заключению, что интернет как таковой не формирует радикальные установки. В контексте когнитивной радикализации главное значение имеет преимущественное поведение человека в активном поиске материалов, его моральная отстраненность и участие в предыдущих акциях. Пошаговый линейный регрессионный анализ и модель структурных уравнений подтверждают гипотезу о том, что процесс когнитивной радикализации представляет собой сложную, поэтапную траекторию от активного поиска материалов до симпатий к радикальному политическому поведению [18]. Радикализация проходит по фазной траектории, при которой индивид с течением времени переходит к более девиантным формам поведения [19].

На основании исследования массовых демонстраций протеста после думских выборов 2011–2012 гг. в России Д. Гайноус, К. Вагнер и Ч. Зиглер пришли к заключению, что социальные медиа способствовали радикализации общественных настроений. Широко распространяемые блоги оппозиционеров в социальных сетях формировали негативные отношения к правящей партии, и таким образом многие граждане поверили, что выборы были сфальсифицированы. Исходя из этого авторы пришли к заключению, что социальные медиа стимулируют поддержку радикальной оппозиции в авторитарных государствах [20]. Кроме того, в современном мире радикализация настроений в целом обусловлена происходящей медиатизацией общества, в котором эффективные политические действия происходят из-за предвкушения зрелищности. По мнению А.И. Щербинина, радикальные изменения, такие как революция, воспринимаются как впечатляющие события, «оформленные в спектакль, где есть сцена, актеры, театральное действо, в котором существует карнавальная возможность для массы превратиться из зрителей в участников спектакля» [21].

При этом агентами радикализации общества В.Д. Мансурова считает профессиональных журналистов, которые производят тенденциозный контент. Результаты исследования содержания публикаций топовых информационных сайтов выявили направленность на возбуждение протестных настроений и радикальных действий граждан. Ключевые сообщения подрывают доверие к власти и общественные традиции, а темы экстремизма обставлены с иронией и эпатажем. Профессиональные журналисты вбрасывают в социальные медиа контент, вызывающий эффект прайминга — создания установок на асоциальное поведение. Вирусное распространение контента радикального содержания формирует состояние «относительной депривации» граждан, которое проявляется в тотальном разочаровании и безысходности. Сформированный негативный общественный фон становится «подготовленной почвой» для твиттер-революций [22].

Отдельные исследователи предметно рассматривают проявления радикализма в информационном экстремизме. По мнению В.А. Пономарева, радикалы используют информационные диверсии в борьбе за власть. Диверсионные технологии направлены на разрушение коммуникаций и на подрыв ценностей общества. Субъекты инфор-

мационного экстремизма используют PR-технологии для распространения в СМИ и интернете радикальных идей, а социальные медиа упростили работу по вербовке сторонников и пропаганде радикализма [23]. Е.В. Бродовская и Т. Хуанг отмечают, что особенность цифрового гражданства российской молодежи отражает интенсивность и направленность информационных потоков в социальных медиа, способствующих актуализации протестных настроений [24]. Сформированные в социальных медиа протестные настроения граждан выливаются в радикальные действия на улицах городов, таким образом происходит конверсия из онлайн-пространства в офлайн [25].

Исследователи выявляют ряд особенностей проявлений онлайн-радикализма в России. Анализ текстового контента и дискурсов сообществ в социальных медиа обнаружил расхождение структуры контента в идеологических течениях радикалов. Радикализация сообществ происходит по основным идеологическим направлениям: правых и левых, протестующих против власти; исламистов, ратующих за чистоту веры. Разработанный индекс радикальной активности онлайн может использоваться в качестве метрики статичной и динамичной оценки, что позволяет измерить масштаб и интенсивность действий в социальных медиа. Результаты исследования показывают более широкое распространение контента левых и правых радикалов по сравнению с исламистами [26]. Исследователи обозначают ключевые характеристики и идеологические платформы ультраправых экстремистских сообществ, угрозы и риски онлайн-радикализации.

Российские исследователи пытаются разработать методологию отслеживания процесса онлайн-радикализации в социальных медиа. Одна из методик работы с большими данными посредством алгоритмов выявляет предикторы радикализации. Применяемые методы позволяют разработать критерии отбора и маркировки триггеров, выявить ультрарадикальные сообщества в социальных медиа, создавать социальные графы взаимодействия, а также прогнозировать риски распространения радикальных идей в цифровой среде [27]. Гибридный метод календарно-корреляционного анализа сочетает скорость компьютерного анализа больших данных, чувствительный к обнаружению ультраправых сообществ, математическую модель для выявления целевой группы по характерному изменению активности аудитории в «окрестности» ключевых событий

и базу полученных сведений [28]. Очевидно, что методы социомедийной аналитики больших данных будут находить широкое применение в исследовании общественных настроений в цифровой среде коммуникаций.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

В целом исследования факторов риска радикализации представляют собой бурно развивающуюся область. Проведенный М. Вулфовицем метаанализ ключевых эмпирических исследований позволил выявить наиболее важные факторы когнитивной и поведенческой радикализации. Социально-демографические переменные чаще всего рассматриваются как antecedentes политического процесса, но для рассмотрения тенденций радикализации они являются наименее прогнозными. Наиболее значимыми факторами риска когнитивной радикализации оказались сила связей в социальных сетях и наличие авторитарной либо фундаменталистской личности. Тогда как наиболее важными защитными факторами выступают общественное доверие к институтам и соблюдение гражданами законов [29].

С учетом строгой методологии и результатов, основанных на больших данных, исследования ведутся в направлении анализа психологических факторов динамики состояния общества, связанных с радикальными изменениями характеристик индивидуального поведения. В настоящее время анализ таких факторов ограничивается изучением двух компонентов когнитивной радикализации: установок и намерений. Однако в литературе отсутствуют глубокие исследования отличий насильственных и ненасильственных радикалов, сравнивающие тех индивидов, которые придерживаются радикальных взглядов, с теми, кто демонстрирует радикальные действия. Сравнение этих двух групп может стать эффективной методикой определения факторов риска и триггеров, которые позволят объяснить переход от радикальных установок к радикальному поведению [30]. В дальнейших исследованиях по избранной теме следует сосредоточиться на определении взаимосвязи между радикальными ценностями, намерениями и поведением, конверсии радикальных настроений из онлайн- в офлайн-пространство.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Schmid A. P. Radicalisation, de-radicalisation, counter-radicalisation: A conceptual discussion and literature review. ICCT Research Paper. The Hague. 2013. URL: <https://www.icct.nl/download/file/ICCT-Schmid-Radicalisation-De-Radicalisation-Counter-Radicalisation-March-2013.pdf>
2. Мертон Р. Социальная структура и аномия / Социология преступности (Современные буржуазные теории). Пер. с франц. М.: Издательство «Прогресс»; 1966.
Merton R. Social structure and anomie. Sociology of crime. (Modern bourgeois theories). Transl. from French. Moscow: Progress Publishing House; 1966. (In Russ.).
3. McCauley C., Moskaleiko S. Understanding political radicalization: The two-pyramids model. *American Psychologist*. 2017;72(3):205–216. DOI: 10.1037/amp0000062
4. Moskaleiko S., McCauley C. Measuring Political Mobilization: The Distinction Between Activism and Radicalism. *Terrorism and Political Violence*. 2009;21:2:239–260. DOI: 10.1080/09546550902765508
5. Jordan T. Activism! Direct action, hactivism and the future of society. London: Reaktion Books; 2002.
6. Harrebye S. Global civil society and international summits: new labels for different types of activism at the COP15. *Journal of Civil Society*. 2011;4(7):407–426.
7. Морозов И. Л. Экстремистские политические идеологии в условиях глобализации от концептуальной рациональности к религиозному экстремизму. *Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. 2009;(15):148–155.
Morozov I. L. Extremist political ideologies in the context of globalization from conceptual rationality to religious extremism. *Vestnik VolGU. Series 4, History. Regional studies. International relationships*. 2009;(15):148–155. (In Russ.).
8. Чирун С. Н. Молодёжный политический экстремизм: причины и формы. *Вестник Пермского университета. Политология*. 2016;(2):105–117.
Chirun S. N. Youth political extremism: causes and forms. *Bulletin of the Perm University. Politology*. 2016;(2):105–117. (In Russ.).
9. Hafez M., Mullins C. The radicalization puzzle: A theoretical synthesis of empirical approaches to homegrown extremism. *Studies in Conflict & Terrorism*. 2015;38(11):958–975. DOI: 10.1080/1057610X.2015.1051375

10. Vujić J. Radikalna misao. Fenomenologija politickog radikalizma. Zagreb; 2016. 294 p.
11. Бурмули А.И. Правый радикализм в Европе. *Современная Европа*. 2005;(4):86–98.
Burmuli A.I. Right-wing radicalism in Europe. *Modern Europe*. 2005;(4):86–98. (In Russ.).
12. Шапаров А.Е., Синькова Е.В. Демаргинализация праворадикализма в европейском политическом процессе. *Современная Европа*. 2020;(5):182–192. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52020182192>
Shaparov A.E., Sinkova E.V. Demarginalization of right-wing radicalism in the European political process. *Modern Europe*. 2020;(5):182–192. (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52020182192>
13. Чув С.В., Тимохович А.Н. Политические ценности российской молодежи: материалы исследования. *Власть*. 2017;(11):54–60.
Chuev S.V., Timokhovich A.N. Political values of Russian youth: research materials. *Vlast = Power*. 2017;(11):54–60. (In Russ.).
14. Васильчук Е.О. Социокультурное содержание молодежного политического радикализма и экстремизма на Украине. *PolitBook*. 2014;(3):93–100.
Vasilchuk E.O. Sociocultural content of youth political radicalism and extremism in Ukraine. *PolitBook*. 2014;(3):93–100. (In Russ.).
15. Гарт Т. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер; 2005. 461 с.
Garr T. Why people rebel. St. Petersburg: Peter; 2005. 461 p. (In Russ.).
16. Wagoner B., Moghaddam F., Valsiner J. The Psychology of Radical Social Change: From Rage to Revolution. Cambridge: Cambridge University Press; 2018. 294 p.
17. Sunstein C.R. Going to extremes: How like minds unite and divide. New York: Oxford University Press; 2009.
18. Frissen T. Internet, the great radicalizer? Exploring relationships between seeking for online extremist materials and cognitive radicalization in young adults. URL: <https://reader.elsevier.com/reader/sd/pii/S0747563220302995?token=96DB9F3A7201D5A995ACD7C7409E9122B1F1B9C5357B1318CDE54C43C749491DF601542C49A1D64E342C7BFAF65C094D&originRegion=eu-west-1&originCreation=20220401075251>. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106549>
19. Klausen J., Libretti R., Hung B., Jayasumana A. Radicalization trajectories: An evidence-based computational approach to dynamic risk assessment of “homegrown” jihadists. *Studies in Conflict & Terrorism*. 2018;1–28. DOI: 10.1080/1057610X.2018.1492819
20. Gainous J., Wagner K., Ziegler C. Digital media and political opposition in authoritarian systems: Russia’s 2011 and 2016 Duma elections. *Democratization*. 2017;(25):1–18. DOI: 10.1080/13510347.2017.1315566
21. Щербинин А.И. Революционный спектакль: опыт и современная постановка. *Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология*. 2014;(3):65–73.
Shcherbinin A.I. Revolutionary performance: experience and modern production. *Bulletin of the Tomsk State University Philosophy. Sociology. Political science*. 2014;(3):65–73. (In Russ.).
22. Мансурова В.Д. «Злоба дня» в онлайн-стратегии журналистики: актуализация проблемы научного исследования. *Вопросы теории и практики журналистики*. 2016; 5(3):359–369. DOI: 10.17150/2308–6203.2016.5(3).359–369
Mansurova V.D. “The topic of the day” in the online strategy of journalism: actualization of the problem of scientific research. *Questions of theory and practice of journalism*. 2016;5(3):359–369. (In Russ.). DOI: 10.17150/2308–6203.2016.5(3).359–369
23. Пономарев В.А. Информационный экстремизм и информационный терроризм в пространстве PR-технологий, СМИ и открытой информационной сети (Интернет): концептуальный аспект. *Вопросы теории и практики журналистики*. 2018;7(2):301–319. DOI: 10.17150/2308–6203.2018.7(2).301–319
Ponomarev V.A. Information extremism and information terrorism in the space of PR-technologies, mass media and open information network (Internet): conceptual aspect. *Questions of theory and practice of journalism*. 2018;7(2):301–319. (In Russ.). DOI: 10.17150/2308–6203.2018.7(2).301–319
24. Бродовская Е.В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019;5(153):3–18. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.01
Brodovskaya E.V., Huang T. Digital generation: civil mobilization and political protest of Russian youth. *Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2019;5(153):3–18. (In Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.01

25. Пырма Р.В. Восстание поколения Z: новые политические радикалы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2017;2(26):43–50.
Pyрма R. V. Generation Z Rise: The New Political Radicals. *Humanitarian sciences. Bulletin of the Financial University*. 2017;2(26):43–50. (In Russ.).
26. Кашпур В.В., Барышев А.А., Чудинов С.И. Репрезентация радикальных сообществ в российских социальных медиа: специфика контента и индекс активности. *Вестник Томского государственного университета*. 2021;(467):133–143. DOI: 10.17223/15617793/467/17
Kashpur V. V., Baryshev A. A., Chudinov S. I. Representation of radical communities in Russian social media: content specificity and activity index. *Bulletin of Tomsk State University*. 2021;(467):133–143. (In Russ.). DOI: 10.17223/15617793/467/17
27. Карпова А.Ю., Савельев А.О., Вильнин А.Д., Чайковский Д.В. Изучение процесса онлайн-радикализации молодежи в социальных медиа (междисциплинарный подход). *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020;(3):159–181. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1585>
Karpova A. Yu., Saveliev A. O., Vilnin A. D., Tchaikovsky D. V. Studying the process of online radicalization of youth in social media (interdisciplinary approach). *Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2020;(3):159–181. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1585>
28. Карпова А.Ю., Савельев А.О., Вильнин А.Д., Чайковский Д.В. Новые технологии выявления ультраправых экстремистских сообществ в социальных медиа. *Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология*. 2019;(52):138–146. DOI: 10.17223/1998863X/52/14
Karpova A. Yu., Saveliev A. O., Vilnin A. D., Tchaikovsky D. V. New technologies for identifying far-right extremist communities in social media. *Bulletin of the Tomsk State University Philosophy. Sociology. Politology*. 2019;(52):138–146. (In Russ.). DOI: 10.17223/1998863X/52/14
29. Wolfowicz M., Litmanovitz Y., Weisburd D., Hasisi B. A field-wide systematic review and meta-analysis of putative risk and protective factors for radicalization outcomes. *Journal of quantitative criminology*. 2020;(6):407–447. DOI: 10.1007/s10940-019-09439-4
30. Wolfowicz M., Litmanovitz Y., Weisburd D., Hasisi B. What Is the State of the Quantitative Literature on Risk Factors for Radicalization and Recruitment to Terrorism? Springer, Cham; 2020.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Роман Васильевич Парма — кандидат политических наук, доцент департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-3413-4264>
rvparma@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Roman V. Parma — Cand. Sci, (Politology), Associate Professor of Department of Political Science, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-3413-4264>
rvparma@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 12.01.2022; принята к публикации 15.02.2022.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received on 12.01.2022; accepted for publication on 15.02.2022.
The author read and approved the final version of the manuscript.